DOI: 10.31860/978-5-918680-384-7-21

Л. К. Хитрово

В. А. ЖУКОВСКИЙ И ГЕРХАРД ФОН РЕЙТЕРН: «БИОГРАФИИ ИХ НЕРАЗДЕЛЬНЫ...»

Аннотация: Публикуется единственный эпистолярный автограф художника Герхарда фон Рейтерна, хранящийся в Рукописном отделе Пушкинского Дома: письмо из Франкфурта-на-Майне от 15/27 августа 1852 г. с откликом на смерть В. А. Жуковского и перезахоронение его праха в Александро-Невской лавре. Адресованное П. А. Плетневу письмо тематически связано с картиной художника «Святое семейство. Поклонение Марии Младенцу Христу с Иоанном Крестителем» (1858). В статье показано, что замысел полотна напрямую связан с важной для Жуковского вестью, полученной в последние минуты его жизни, — решением жены поэта, Елизаветы Жуковской, перейти из протестантского вероисповедания в православие.

Ключевые слова: В. А. Жуковский, Герхард фон Рейтерн, картина «Святое семейство. Поклонение Марии Младенцу Христу с Иоанном Крестителем», Е. А. Жуковская (урожд. Рейтерн), захоронение, Александро-Невская лавра.

Abstract: The only epistolary autograph of the artist Gerhard von Reutern, kept in the Manuscript Department of the Pushkin House, is published for thirs time: a letter from Frankfurt am Main dated August 15/27, 1852 with a response to the death of V. A. Zhukovsky and the reburial of his ashes in the Alexander Nevsky Lavra. The letter addressed to P. A. Pletnev is thematically connected with the artist's painting «The Holy Family. The Worship of Mary to the Infant Christ with John the Baptist» (1858). The article shows that the idea of the canvas is directly related to the important news for Zhukovsky received in the last minutes of his life — the decision of the poet's wife, Elizabeth Zhukovskaya, to switch from Protestant to Orthodoxy.

Keywords: V. A. Zhukovsky, Gerhard von Reutern, painting «The Holy Family. The Worship of Mary to the Infant Christ with John the Baptist», E. A. Zhukovskaya (nee. Reutern), burial, Alexander Nevsky Lavra.

Известный русско-немецкий художник Герхард фон Рейтерн,[1] близкий друг и родственник Жуковского, был моложе Василия Ан-

[1] Разрозненные биографические сведения о нем см.: *Сомов А. И.* Рейтерн Евграф Романович // Энциклопедический словарь: в 86 т. / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1899. Т. 52. С. 510—511; *Майков П. М.* 1) Рейтерн Евграф (Гергард) Романович // Русский биографический словарь / изд. Имп. Рус. ист. о-ва. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1913. Т. [16]: Рейтерн — Рольцберг. С. 1—4;

© Хитрово Л. К., 2023

дреевича на 11 лет. Он родился 6 (17) июля 1794 г. в родовом имении Рестгоф Дерпского округа, неподалеку от города Валка Лифляндской губернии и был младшим из четырех сыновей в протестантской дворянской семье обрусевших прибалтийских немцев: Христофора-Германа Рейтерна (1744—1802), служившего камергером Саксонского двора, и его жены, урожденной Шарлотты фон Фишбах. Первоначальное образование Герхард получил дома. С детских лет увлекался рисованием. После смерти отца он вместе с матерью переехал в Петербург, где с 4-го класса стал учиться в школе при лютеранском приходе Святых апостолов Петра и Павла. По ее окончании (в 1810 г.) поступил в Дерптский университет, в котором помимо изучения естественных и военных наук брал уроки мастерства у профессора живописи К.-А. Зенфа.

В начале Отечественной войны 1812 г. Герхард ушел добровольцем в действующие войска. В составе лейб-гвардии Гусарского полка участвовал в заграничных походах против армии Наполеона и его союзников: 17 авг. 1813 г. — в сражении под Кульмом,[2] 4 окт. 1813 г. — в «битве народов» под Лейпцигом, в котором после тяжелого ранения в плечо лишился правой руки. Но желание рисовать у 19-летнего Рейтерна было так велико, что уже через четыре месяца он стал писать, а затем и рисовать левой рукой. Пером и акварелью Герхард создал несколько первых Рейнских пейзажей.

Летом 1814 г., находясь на лечении в Веймаре, он, мечтая стать художником, решился познакомиться с Гете, чтобы представить ему свои работы. Гете оценил его дарование и посоветовал всерьез заняться живописью. Поверив в свое предназначение, начинающий художник в чине полковника покинул (в 1819 г.) военную службу и для знакомства с европейским искусством предпринял путешествие по городам Германии и Италии, где посещал мастерские разных художников. Впоследствии он, развивая свой талант и приобретая профессиональное мастерство, обучался у профессоров Кассельской Академии художеств К. Глинцера, И. Родена и прошел весь образовательный курс в Дюссельдорфской Академии художеств, занимаясь у профессоров Ф. Шадова и Т. Гильдебрандта.

В 1820 г. «безрукий красавец», как позднее называл его Жуковский, женился на Шарлотте фон Швертцелль (17 дек. 1760—1854), в браке с которой имел трех сыновей: Александра (1824—1879), Вильгельма-Василия (1829—1897), Христофора-Евграфа (1836—1918); и трех дочерей: Элизабет-Елизавету (1821—1856, будущая жена Жу-

2) Русский художник в Германии // Русский вестник. 1894. Т. 234, сент. С. 219—237; Т. 235, окт. С. 3—16; Государственный Русский музей: Живопись XVIII — начала XX в.: каталог / под ред. В. А. Пушкарева. Л.: Аврора; Искусство, 1980. С. 92, каталог № 1398.

[2] В Государственном Русском музее (Санкт-Петербург) находится портрет Г. фон Рейтерна с Кульмским крестом Т. Гильдебранта. 1838. Холст, масло.

ковского), Шарлотту (1823—1847, будущая жена Юлиуса фон Вульфа) и Августу.

После женитьбы Рейтерн пытался жить на родине в Лифляндии. Но холодный климат усиливал боли в покалеченном плече. По этой причине он, по совету врачей, жил с семьей в Швейцарии в родовом поместье жены в Виллинсхаузене и лечился за границей. И за разрешениями на долгое там пребывание через каждые 5 лет был вынужден приезжать в Россию. Летом 1826 г. Герхард находился в Эмсе (Бад-Эмс), в городе-курорте, знаменитом своими целебными серными источниками.

11 мая 1826 г. на корабле из Петербурга через Копенгаген и Гамбург «отыскивать здоровье» выехал в Эмс и Жуковский. Накануне отъезда он составил духовное завещание, отправив его А. И. Тургеневу.[3] И сообщил близкой родственнице А. П. Киреевской о причине своего спешного выезда в Германию: «Надо сказать правду: во все это время болен и так болен, что вместо Москвы[4] еду на воды, в Эмс. <...> В моей болезни нет ничего опасного, ни мучительного, но надобно заранее остановить ее успехи, иначе вся машина совсем и навсегда расстроится»,[5] — писал Жуковский 20—26 апр. 1826 г. И в следующем письме от 29 апр., пытаясь успокоить взволнованную А. П. Киреевскую, пояснял: «Вы напрасно так сильно испугались слухов: моя болезнь требует лечения и незапущения, но в ней нет ничего теперь опасного. Я очень ослабел от (как бы сказать поучтивее) потери крови: слабость, одышка, когда всходишь на лестницу, бледность мертвеца баллады, впрочем, нет ничего опасного. Мне советуют пить Эмсские воды и в тоже время прожить несколько времени без заботы...»[6]

В этот тяжелый для Рейтерна и Жуковского период жизни и началась история их долголетней дружбы. Возвращаясь памятью к событиям знакомства с Герхардом Рейтерном, Василий Андреевич писал ко всем родным 5 (17) сент. 1840 г. из Дюссельдорфа в Муратово: «В 1826 году в Эмсе, где я медленно воскресал от смертельной болезни, в одно утро я встретился <...> с моим Дерптским безруким красавцем; но он в эту минуту был изнурен болезнью. И горе, и забота о будущем своем и семьи своей, бременили его. <...> На другой год та же

[3] Письмо от первой трети мая 1826 г. Петербург // Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М.: издание «Русского архива», 1895. С. 212.

[4] Жуковский должен был выехать в Москву для участия 22 авг. 1826 г. в коронации императора Николая Павловича.

[5] Письмо В. А. Жуковского А. П. Киреевской от 20—26 апреля 1826 г. // Уткинский сборник / под ред. А. Е. Грузинского. М.: печатня А. И Снегиревой, 1904. [Т.] I. С. 42—43.

[6] Письмо В. А. Жуковского А. П. Киреевской от 29 апреля 1826 г. // Там же. С. 43—44.

причина свела нас опять в Эмсе. Вместе докончили мы свое лечение. И он, и я воскресли для жизни...»[7]

Выехав из Эмса и путешествуя по Европе, они вместе в начале сентября 1827 г. посетили в Веймаре И.-В. Гете.[8] Но летом 1832 г. здоровье Жуковского ухудшилось, и ему вновь понадобились лечебные процедуры. На этот раз из Петербурга он выехал 18 (30) июня 1832 г. и прибыл 4 (16) июля на Эмсские воды. Затем, желая «дойти до своей цели, до выздоровления», продолжил курс водного лечения сначала в Вейльбахе (с 3 (15) августа), затем в Веве (с 22 (4) сентября) и в Верне (с 15 (27) ноября). Однако от назначенных ему водных врачебных процедур улучшения здоровья не последовало. Поэтому Жуковский после посещения доктора 22 декабря (3 января следующего, 1833 г.), убедившись в необходимости принятия другого, радикального метода лечения, оставил в своем дневнике запись: «Решение сделать операцию. Странное меланхолическое и приятное чувство».[9]

На протяжении всего этого непростого для него периода жизни Жуковский не испытывал давления «мрачности и тоски», так как был окружен заботой и вниманием друга. «Я не один. Со мною живет Рейтерн и все его семейство», — замечал он в письме от 4 (16) янв. 1833 г. великому князю Александру Николаевичу.[10] Начиная со встречи в Висбадене при переезде Жуковского из Эмса в Вейльбах, и позднее в Швейцарии, друзья, несмотря на занятость Василия Андреевича лечебными процедурами, находили возможность для совместных прогулок, осмотра достопримечательностей, визитов; тогда же возникло между ними и родство творческих устремлений. Здесь Рейтерн написал серию акварельных рисунков с видами Женевского озера. Жуковский же, переняв его колористические приемы, сделал свой цикл акварелей с видами Женевского озера. В Вейльбахе и в Швейцарии Герхард с чувством особого творческого подъема создал пять разных портретов Жуковского.[11] Однако к началу 1833 г. уже у переутомлен-

---

[7] Письмо В. А. Жуковского к Е. Ф. Протасовой и ко всем родным. Дюссельдорф. 10 (22) августа 1840 г. — 5 (17) сентября. Опубл.: Русская беседа. 1859. Кн. 3. Отд. I. С. 17.

[8] См. подробнее: *Никонова Н. Е.* В. А. Жуковский о его немецкие друзья: новые факты из истории российско-германского межкультурного взаимодействия первой половины XIX в. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. С. 112—121.

[9] См.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки 1804—1833 годов / сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 342; Жуковский был прооперирован в Верне доктором Майором в 1833 г. после возвращения из путешествия по Италии вместе с Рейтерном: первая операция состоялась 13 (25) июля, вторая — 28 (10) августа. См.: Там же. С. 384—385.

[10] Там же. С. 343.

[11] См. подробнее: *Либман М. Я.* Жуковский и немецкие художники // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной литературы. М., 1980. С. 311—312.

ного работой Рейтерна, судя по дневниковым записям Жуковского, стали возобновляться болезненные состояния.[12] Герхарда мучили боли в покалеченном плече, временами возникающая слепота и «неверность будущего», оттого что заказные работы не приносили ему верного дохода, а военной пенсии, которую он получал как участник войны 1812 года, на содержание многодетной семьи и на необходимое для него продолжительное лечение не хватало.

Рейтерн расположил к себе Жуковского дружеским вниманием, внутренней жизнестойкостью и художническим даром, который, по его мнению, отличался «поэтичностью, достоверной изобразительностью, без излишней стилистической вычурности и манерности».[13] Особенно высоко Жуковский ценил работы Рейтерна-портретиста. «До сих пор я не знаю подобных рейтерновым портретам, — писал Василий Андреевич К. К. Мердеру в январе 1833 г. из Верне в Петербург. — Многие с первого взгляда приятно нарисованы; но в ком найдете теплое чувство натуры: у него весь портрет, каждая складка, каждая пуговица, все отделано особенно и все вместе в величайшей гармонии. <...> Какая верная натура в каждой мелочи, но ничто не мешает целому; все отработано смелою кистию; но особенное достоинство портретов Рейтерна есть то, что он заставляет забывать искусство; не думаешь о живописце; видишь перед собою живого человека в настоящую минуту его жизни...»[14]

Принимая во внимание затрудненные обстоятельства жизни талантливого художника, Василий Андреевич, возвратившись в начале сентября 1833 г. к исполнению своих должностных обязанностей при царском дворе, своей бескорыстной заботой, «осторожной и терпеливой попечительностью», нашел возможность помочь Герхарду. Члены августейшей семьи через посредничество Василия Андреевича стали приобретать картины Рейтерна в свои частные коллекции. Так, в одном из писем 1833 г. Жуковский сообщал художнику: «Радостно мне было на вечере у государыни показывать всему обществу твои работы. Они заслужили одобрение и доказательством тому уменьшение числа их. Уполномоченный тобою, я просил их величества выбрать и взять, что им понравится; сам видишь, что они не скупы. Государь восхищался головами солдат; он всех их узнал. Павловский гренадер отдан мною шефу этого полка, великому князю наследнику.[15] Словом,

---

[12] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 13. С. 321, 342, 348, 352—353.

[13] См.: *Майков П. М.* Русский художник в Германии // Русский вестник. 1894. Т. 234, сент. С. 233.

[14] Подборка копий писем В. А. Жуковского к разным лицам // РО ИРЛИ, ф. 184 (Б. Л. Модзалевский), оп. 3, без №, л. 49.

[15] Имеется в виду серия акварельных рисунков Рейтерна 1832 г. с изображением нижних чинов Семеновского и Павловского полков русской Императорской гвардии. В настоящее время находится в Государственном Русском музее.

успех полный, и я уверен, что ты не пожалеешь о твоих рисунках. У государыни будет особый альбом, наполненный произведениями Рейтерна...»[16]

12 мая 1837 г. Герхард фон Рейтерн, работы которого заслужили «одобрение» у царского семейства, был по представлению Жуковского произведен в звание Живописца Императорской фамилии с прибавкой к пенсии 8 тысяч рублей ассигнациями. У него появилась необходимая по состоянию здоровья возможность постоянно проживать, профессионально совершенствоваться и воспитывать детей за границей. Получив это звание, он вплоть до конца жизни не принимал частных заказов, и все его работы становились собственностью августейшего семейства.

Двумя годами ранее, в 1835 г., за работы «Портрет Василия Андреевича Жуковского (стоит у окна с видом на Женевское озеро)» (4 (16) янв. 1833 г. Верне. Бумага, акварель, собственность В. А. Жуковского)[17] и «Две картины из Семейной жизни» художнику присвоили звание «назначенного» в академики Императорской Академии художеств.

Вскоре он получил звание академика Императорской Академии художеств.[18]

«Бог помог мне быть для него орудием земного блага»,[19] — признавался Жуковский, когда ему удалось помочь Рейтерну справиться с материальными заботами.

В 1841 г. Жуковский породнился с Г. Рейтерном. Старшая дочь Герхарда Элизабет (Елизавета) стала женой Василия Андреевича.

21 июня (3 июля) 1841 г. Жуковский сообщал А. И. Тургеневу о поворотном моменте в своей жизни: «Я еще никому в Россию не писал о себе, пишу к тебе первому. Вот моя история. <...> Сделалось то, что редко на свете случается. Все, что мы предположили, исполнилось в точности. Я назначил день своего венчания 21 мая, так и сделалось.

---

[16] *П. Б.* [*Базаров И. И., протоиерей*]. Г. Р. Рейтерн // Русский архив. 1894. Кн. 3, вып. 9. С. 571—572.

[17] П. А. Плетнев писал в очерке «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского»: «Теперь 4 янв. (стар. ст.) 1833 г. был сделан и прекрасный портрет Жуковского. Поэт стоит перед открытым окном; его сигара дымится, и он в задумчивости смотрит на возносящиеся перед ним вершины гор». Цит. по изд.: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 404. В настоящее время этот портрет В. А. Жуковского (бумага, акварель, в свету) находится в Литературном музее Пушкинского Дома (ПД Муз. И. 4246). Воспроизведен в изд.: «Тень Пушкина меня усыновила...»: Музей А. Ф. Онегина. СПб.; Болонья; Кембридж, 1999. С. 75.

[18] См.: Юбилейный справочник Императорской Академии художеств, 1764—1914: [в 2 т.] / сост. С. Н. Кондаков; Имп. Санкт-Петербургская Академия художеств. Пг.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, [1915]. Ч. II. С. 160.

[19] См.: Русская беседа. 1859. Кн. 3. Отд. I. С. 17.

21 мая из Лудвигсбурга, где мы ночевали, приехали мы рано поутру в Канштат. Я тотчас отправился за русским священником в Штутгарт, а Рейтерн все устроил для лютеранского обряда, и в 5 часов после обеда на высоте Ротенберга, в уединенной надгробной церкви св. Екатерины совершился мой брак тихо и смиренно; в Канштате был совершен лютеранский обряд...»[20] В 1842 г. у Жуковских в Дюссельдорфе 30 окт. (11 нояб.) родилась дочь Александра (умерла 14 сент. 1899 г. в Носсене), 1 (13) янв. 1845 г. во Франкфурте-на-Майне — сын Павел (умер 26 авг. 1912 г. в Веймаре).

Семейные отношения поэта и художника укрепили сложившуюся между ними «верную дружбу» и «проникновенную братскую любовь». «Оба они, и Жуковский, и Рейтерн были людьми благоволения. Биографии их нераздельны», — отмечали современники.[21] Среди их общих знакомых были такие известные личности своего времени, как дерптский художник Ф.-Л. Майдель; «назареец», «христианский живописец» И.-Ф. Овербек; дипломат, религиозный деятель Й.-М. фон Радовиц и др.

В 1840—1850-е гг. у Жуковского и Рейтерна с особой силой проявились присущие им обоим религиозно-философские устремления и созвучные творческие интересы в поиске особого языка образов и представлений, которые приближали бы искусство и поэзию к отражению духовной жизни. Жуковский написал «Повесть об Иосифе Прекрасном» (1845), поэму «Египетская тьма» (1846), стихотворение «Апокалипсис» (1851), перевел весь Новый Завет (1844—1845). В 1851 г. он, уже непоправимо больной и ослепший, намеревался завершить поэму «Агасфер, или Странствующий жид».

В 1842 г. Г. Рейтерн и Жуковский ко дню празднования серебряной свадьбы имп. Николая I Павловича и имп. Александры Федоровны (1 июля) подготовили совместный подарок. Императорской чете была преподнесена написанная Герхардом картина на религиозный сюжет «Святой Георгий Победоносец» и стихотворение Жуковского под названием «1-ое июля 1842» («Встает Христов знаменосец...»).[22]

В 1849 г. Рейтерн создал картину «Авраам приносит Исаака в жертву» и передал ее в дар имп. Николаю Павловичу (находилась в Эрмитаже). В 1858 г. завершенную картину «Святое семейство. Поклонение Марии Младенцу Христу с Иоанном Крестителем» художник преподнес имп. Александре Федоровне, супруге имп. Николая Александровича (Фермерский дворец. Александрия. Петергоф).

Чувством глубокого духовного сопереживания пронизано и письмо художника П. А. Плетневу из Франкфурта-на-Майне в Петербург

---

[20] Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. С. 291.

[21] *П. Б.* [*Базаров И. И., протоиерей*]. Г. Р. Рейтерн. С. 578.

[22] Подробнее об атрибуции картины и об истории ее бытования см.: *Иванникова А. П.* Вновь определенное произведение Е. Р. Рейтерна в собрании Эрмитажа // Эрмитаж. СПб., 2020. Том LXXVIII. С. 70—77.

от 15 (27) авг. 1852 г., несмотря на то что Жуковский и Рейтерн были людьми разных религиозных вероисповеданий. Текст письма написан на немецком языке. Это единственный автограф Герхарда фон Рейтерна, который хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома.[23]

Его содержание связано с церемонией перенесения по воле императора Николая Павловича праха Жуковского из пригородного Баденского кладбища и предания его земле на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге. Церемония состоялась 29 июля (10 авг.) 1852 г. в присутствии духовника императорских высочеств, протопресвитера Василия Борисовича Бажанова; преосвященного Макария, епископа Винницкого; товарища министра народного просвещения А. С. Норова; царственного воспитанника Жуковского, великого князя Александра Николаевича с его августейшею сестрою вел. княгиней Марией Николаевной, а также известных литераторов, ученых и студентов.[24] Ее устроителем и координатором всех необходимых приготовлений был друг Жуковского, ректор Петербургского университета и близкий к императорскому двору человек П. А. Плетнев. Знаток творчества Жуковского, он в последний, 11-летний, заграничный период жизни поэта являлся его посредником и доверенным лицом в литературных делах. Как устроитель печального обряда погребения Жуковского Петр Александрович вступил в переписку с родственниками поэта. Он приглашал его вдову и тестя принять участие в церемонии 29 июля (10 авг.) 1852 г. в Александро-Невской лавре. Однако по своему нездоровью Жуковская и Рейтерн выехать в Россию из Германии не имели возможности и о событиях в Петербурге они узнавали из сообщений Плетнева.

После получения от П. А. Плетнева известия о состоявшемся захоронении праха Жуковского Г. Рейтерн отправил ему ответное письмо с откликом на смерть своего друга и зятя. Герхард фон Рейтерн писал:

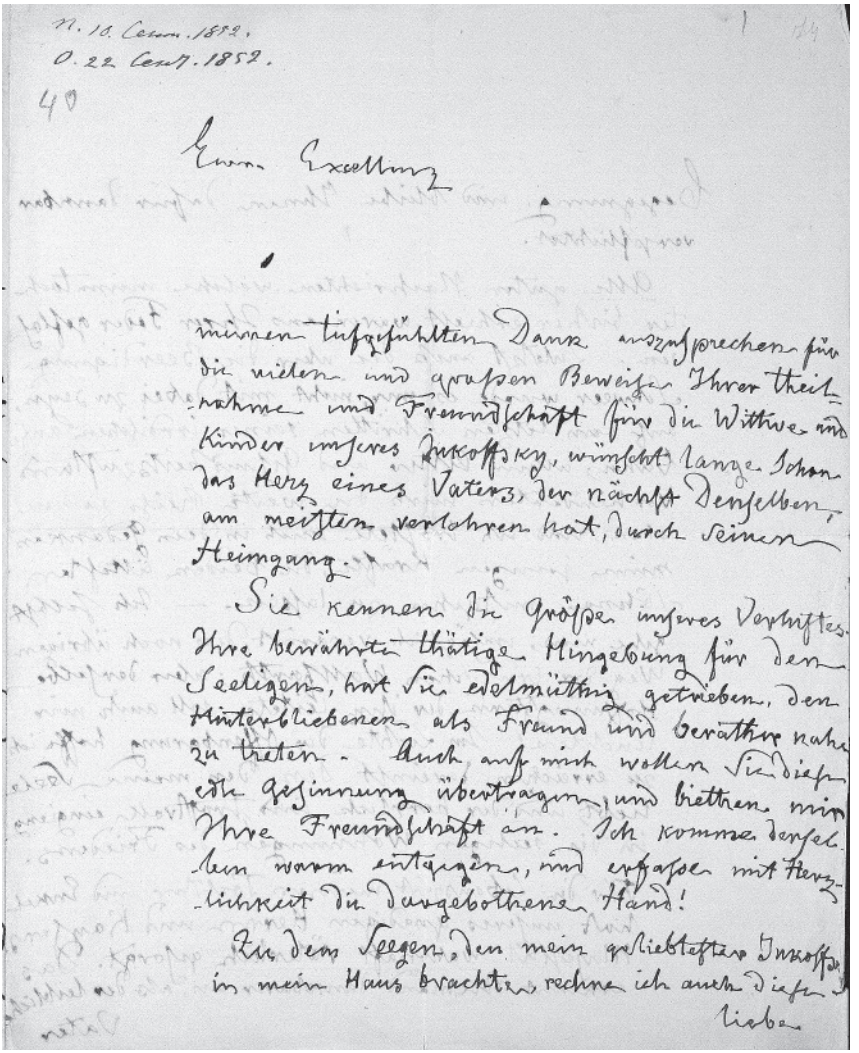
«Ваше превосходительство,

высказать Вам глубоко прочувствованную благодарность за многочисленные проявления Вашего участия и дружбы по отношению к вдове и детям нашего Жуковского уже давно желает сердце отца, который с его смертью потерял больше, чем самого себя. —

---

[23] РО ИРЛИ, ф. 234 (П. А. Плетнев), оп. 1, ед. хр. 153/10, л. 1—2. Письмо Г. Рейтерна П. А. Плетневу, которое среди других документов после смерти Петра Александровича находилось в распоряжении Я. К. Грота, было опубликовано в его статье. См. отд. отт.: *Грот К. Я.* Несколько дополнений к рукописям В. А. Жуковского. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1901. С. 12—14. В этой статье К. Я. Грот не комментировал письмо Г. Рейтерна и не рассматривал его в контексте взаимоотношений художника и поэта. Для настоящей публикации текст письма Г. Рейтерна к П. А Плетневу дается в переводе Т. М. Двинятиной.

[24] См. подробнее отд. отт.: *Грот К. Я.* Несколько писем по поводу смерти и погребения В. А. Жуковского // Литературный вестник. СПб., 1904. Кн. 4. С. 1—11.

Начало письма Герхарда фон Рейтерна к П. А. Плетневу от 15/27 авг. 1852 г. (РО ИРЛИ, ф. 234, оп. 1, ед. хр. 153/10, л. 1)

Вы знаете, как велика наша потеря. Вы благородно пронесли свою заботливую и деятельную преданность покойному, став и для родственников их другом и близким человеком. Вы и на меня хотите перенести этот благородный душевный порыв и предлагаете мне Вашу дружбу. Я охотно иду ей навстречу и сердечно пожимаю протянутую мне руку!

К счастью, которое привел в мой дом мной горячо любимый Жуковский, я отношу и эту дорогую мне встречу и глубоко благодарен Вам за это.

Все (здесь и далее курсив в тексте письма Г. Рейтерна. — *Л. Х.*) добрые вести, которые до сих пор получала моя дочь, вылетели из-под *Вашего* пера. В последний раз — и о погребении. Тяжело мне было не присутствовать при последних шагах его земного пути, и только возраст и здоровье помешали мне проделать дальнее путешествие; но мысленно я следовал за моими юными силами; я послал туда обоих старших сыновей.[25] Сам я совершаю оставшийся путь земного странствия, несказанно обеднев, но тот самый светоч надежды, который руководил им, должен светить и мне! В свете откровения я надеюсь когда-нибудь достигнуть *Того*, *Кого* любит моя душа и Который прекрасно и утешительно входит в блаженные обители покоя.

О жизни моей дочери и внуков позаботился Его Величество всемилостивейший Государь наш *поистине отечески*.[26] Никто не может оценить это благодарнее, чем сам любящий их отец. Да вознаградит его Господь Бог за это, воздав его собственным августейшим детям! Аминь.

Есть у меня еще одна забота: может быть, нет необходимости для моей дочери совершить путешествие в Россию этой осенью? Мы сильно надеемся на прибытие нашего дорогого молодого Государя Наследника, чтобы получить окончательное решение об этом. Дай Бог, чтобы это путешествие могло быть отсрочено до будущей весны; потому что после таких тяжелых потрясений, при очень слабых силах, быстрое вступление в зиму было бы для нее определенно очень опасным! — Так как я отвечаю Вашему Превосходительству на Ваше французское письмо по-немецки, то прошу в том извинения. Может быть, я скорее смогу найти у Вас прощение, если сошлюсь на то, что мы с Жуковским всегда переписывались именно *так*. Так каждому из нас было наиболее удобно. Лучше *всего было* бы, если бы я мог бы писать Вам по-русски, но только я, к сожалению, слишком плохо знаю русский язык!

В заключение я должен упомянуть об одном письме Плюшара, которое я прилагаю.[27] Согласно ему, я заказал художникам сделать ри-

---

[25] Имеются в виду сыновья Рейтерна: Александр — в то время адъютант кн. Ф. И. Паскевича и Вильгельм-Василий (второе имя получил в честь Жуковского) — дерптский студент.

[26] В тисках вынужденных обстоятельств оказалась вдова Жуковского вместе с несовершеннолетними детьми. Е. А. Жуковской было назначено 5 тыс. рублей ежегодного денежного пенсиона из сумм государственного казначейства при условии проживания вместе с детьми в России. С июля 1853 г. она с Александрой и Павлом жила в Москве.

[27] *Плюшар Адольф Александрович* (1806—1865) — петербургский книгопродавец и книгоиздатель, владелец типографии. В арх. П. А. Плетнева письмо Г. Рейтерна А. А. Плюшару, датированное 15/27 авг. 1852 г., не сохранилось.

сунки, что потребовало много времени, теперь они отправлены по адресу Вашего Превосходительства с приложением писем художников, по которым Плюшар увидит их пожелания.[28] Ответ снова может придти на мой адрес, и я передам его Г. Функу,[29] который живет здесь во Франкфурте.

Примите уверения в совершенном уважении и благодарной преданности, с которыми я имею честь быть

Вашего Превосходительства

Преданный слуга и друг

Герхард фон Рейтерн.

Франкфурт-на-Майне, 15/27 августа 1852».

Отвечая Плетневу, Рейтерн выражал тяжесть прощания и явно ощущал свое присутствие на церемонии в Александро-Невской лавре рядом со своими старшими сыновьями Александром и Вильгельмом-Василием. Вспоминал он и о том, как во время последней болезни в Баден-Бадене Жуковский собирался и ушел из жизни в Светлый понедельник, на второй день православной Пасхи, 12 (24) апр. 1852 г.

В последний день земной жизни, после причащения Святых Тайн, прощаясь с родственниками, Василий Андреевич удостоился виде́ния Иисуса Христа и услышал о благой для него вести: жена Елизавета «после долгой внутренней борьбы» решилась на переход из протестантской веры в православие. По свидетельству духовника поэта, протоиерея Иоанна Базарова, Жуковская в беседе с ним призналась, что, прощаясь с мужем, почувствовала, что «теперь ее место при детях не только в их спальне и в учебной, но и в их церкви». И. И. Базаров в «Воспоминаниях о В. А. Жуковском» писал: «В последние дни его жизни готовилось ему самое радостное событие в его семействе, которым он не успел насладиться, радость близкого исполнения оного он взял с собою во гроб. Событие это было следствием долгой внутренней борьбы любимой им особы. Он страдал вместе этою борьбою, но его уважение к самому характеру этой священной борьбы, место которой есть святилище души, не позволяло ему положить на весы колебавшихся мнений полновесную истину его собственных убеждений, которая одна решила бы участь избрания».[30]

12 (25) сент. 1852 г. в Висбаденской церкви, ближайшей к Дармштадту и Франкфурту, был совершен обряд присоединения Елизаветы Жуковской к православному вероисповеданию. Восприемниками при миропомазании стали великая княгиня, цесаревна Мария Александровна и государь-наследник Александр Николаевич.

---

[28] Г. Рейтерн вел переговоры с П. А. Плетневым об отдельном издании очерка «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского» с рисунками немецких художников.

[29] В.-Г. Функ — немецкий художник.

[30] Цит. по изд.: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. С. 447—448.

Восприняв значимость духовного обновления дочери, нареченной Елизаветой Алексеевной, и обращаясь памятью к событиям предсмертного, проникнутого высоким религиозным чувством последнего дня земной жизни Жуковского, Герхард Рейтерн создает в 1858 г. картину «Святое семейство. Поклонение Марии Младенцу Христу с Иоанном Крестителем».

Традиционно художники, обращаясь в своих работах к схожему религиозному сюжету, изображали рядом с Богородицей Иоанна Крестителя и Младенца Иисуса сообразно их малому возрасту веселыми и озорными.

Рейтерн в своей картине преобразил и переосмыслил иконографический сюжет и, соединив его с семейной жизнью Жуковских, наполнил его живописной символикой.

В образе Марии он изобразил Елизавету Жуковскую. Она угадывается по одному из хорошо известных портретов К.-Ф. Зона 1840 г. По заказу Жуковского он был исполнен художником перед венчанием с невестой. В образе белоголового Младенца Иисуса узнаётся сын Жуковских Павел. Он идентифицируется даже по поздним фотопортретам, которые хранятся в коллекции А. Ф. Онегина Литературного музея Пушкинского Дома.[31] Так же дочь Александра по характерным очертаниям округлого лица, по линии подбородка на более поздних фотографиях[32] узнаётся на картине в образе Иоанна Крестителя с черными вьющимися волосами, такими они были с малых лет у самого Жуковского.

Изобразительная метафорическая система позволила Рейтерну выразить идею созданного им полотна: лоно семьи одновременно является и лоном храма. Как Младенец Иисус связан с Богородицей своим естеством и верой, так и крещенные в православии дети Павел и Александра связаны со своей матерью, Елизаветой Алексеевной Жуковской.

Раскрытая перед ней Библия являет собой символ пути, по которому она вошла в «духовный храм» православных детей. Сакральный замысел работы художника дополняется целым рядом других изображенных на ней символов. В ногах, на покрывале детской кроватки, на которой лежит Младенец Иисус, изображены цветы пассифлоры. Они являются символом страстей Христовых. Рядом с пассифлорой изображен плющ — символ воскресения, вечной жизни и преданности. У руки спящего Младенца находится роза, красно-белый цвет которой символизирует одновременно страдание и радость.

В проеме окна на перекладине с отодвинутой шторой сидит трогательная малиновка. Согласно существующему апокрифу, она от рож-

---

[31] См.: П. В. Жуковский. 1860-е годы. Фотография на паспарту. Литературный музей Пушкинского Дома: Муз. И. 4321/8.

[32] См.: А. В. Жуковская. 1860-е годы. Фотография на паспарту. Литературный музей Пушкинского Дома: Муз. И. 4321/9.

дения была маленькой птичкой в сером оперении, которая изо всех своих возможных сил старалась облегчить страдания распятому на кресте Иисусу. Выклевывая шипы из тернового венца, она преобразилась: ее грудка, окропленная кровью Христа, стала малиновой.

Из раскрытых окон дома видна река. Очевидно, художник изобразил Рейн с его берегами. Именно с Рейном связано важное событие в жизни Жуковского. 9 июня 1840 г. во время путешествия по Германии с императором Николаем I на корабле «Виктория», который курсировал по Рейну, Василий Андреевич впервые вместе с просьбой об отставке от должностных назначений сообщил государю о своем решении жениться на Елизавете Рейтерн.

У спинки кровати со спящим Иисусом изображен маленький Иоанн Креститель с бамбуковым крестиком. Он, по замыслу художника, уже допустил Младенца Иисуса к крещению, и безгрешный Младенец после утренней молитвы Матери, сложив Свои детские пальчики в троеперстие, готов осенить Себя и Марию крестным знамением и принять на Себя все грехи мира.

27 нояб. 1856 г., когда художник еще продолжал работу над своей картиной, в Москве умирает его дочь, Елизавета Алексеевна Жуковская. Ее похоронили рядом с мужем в Александро-Невской лавре. Это событие также нашло отражение в композиции картины. В ближней перспективе раскрытого окна изображено древо жизни. На нем сидит одна горлица, к которой подлетает другая. Таким образом Рейтерн передал воссоединение душ ушедших из жизни православных супругов — Василия Андреевича и Елизаветы Алексеевны Жуковских.

Так Герхард фон Рейтерн, личная и творческая судьба которого во многом определилась встречей, дружбой и родством с В. А. Жуковским, письмом к П. А. Плетневу и созданием картины «Святое семейство. Поклонение Марии Младенцу Христу с Иоанном Крестителем» откликнулся на смерть Жуковского, на церемонию перезахоронения его праха в Александро-Невской лавре и на переход его жены в православие.

В 1858 г., по завершении работы, художник передал картину в собственность императрицы Александры Федоровны. До 1909 г. она находилась в Фермерском дворце в Петергофе. Позднее из Зимнего дворца полотно было передано в Русский музей. В настоящее время картина «Святое семейство. Поклонение Марии Младенцу Христу с Иоанном Крестителем» находится в филиале музея, в Мраморном дворце, в кабинете великого князя Константина Константиновича, личный архив которого находится в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Рейтерн умер 22 марта 1865 г. во Франкфурте-на-Майне, пережив Жуковского на 13 лет. На его могильном камне, согласно желанию художника, была сделана эпитафия: четыре первых стиха из 103-го псалма: «Благослови, душе моя, Господа...».

В 1894 г., в год 100-летнего юбилея со дня рождения Герхарда фон Рейтерна, усилиями его родственников в Петербурге была проведена первая персональная выставка работ художника.[33] На ней, впервые собранные вместе, были представлены работы Рейтерна, которые находились в разных частных собраниях, в том числе и в императорских дворцах: пейзажи, портреты, полотна на религиозные сюжеты; акварельные, пером, карандашом (более 73); масляными красками (более 107), офорты (12), литографии и др.

В настоящее время работы художника хранятся в собраниях: Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея, Всесоюзного музея Пушкина, Государственного литературного музея, Музея-квартиры А. А. Блока, Литературного музея ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, а также в частных коллекциях.

Библиографический список

1. «Тень Пушкина меня усыновила...»: Музей А. Ф. Онегина. СПб.; Болонья; Кембридж, 1999.
2. В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999.
3. Государственный Русский музей: Живопись XVIII — начала XX в.: каталог / под ред. В. А. Пушкарева. Л.: Аврора; Искусство, 1980.
4. *Грот К. Я.* Несколько дополнений к рукописям В. А. Жуковского. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1901.
5. *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки 1804—1833 годов / сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Каталог посмертной выставки рисунков и картин Г. Р. Рейтерна в память столетней годовщины его рождения, устроенной в доме Имп. Общества поощрения художеств в пользу учащихся в рисовальной школе Общества, в 1894 году, С.-Пб., в типогр. Киршбаума. СПб., 1894.
7. *Либман М. Я.* Жуковский и немецкие художники // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной литературы. М.: Наука, 1980.
8. *Майков П. М.* Рейтерн Евграф (Гергард) Романович // Русский биографический словарь / изд. Имп. Рус. ист. о-ва. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1913. Т. [16]: Рейтерн — Рольцберг.
9. *Майков П. М.* Русский художник в Германии // Русский вестник. 1894. Т. 234, сент.; Т. 235, окт.
10. *Никонова Н. Е.* В. А. Жуковский о его немецкие друзья: новые факты из истории российско-германского межкультурного взаимодействия первой половины XIX в. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012.

[33] См.: Каталог посмертной выставки рисунков и картин Г. Р. Рейтерна в память столетней годовщины его рождения, устроенной в доме Имп. Общества поощрения художеств в пользу учащихся в рисовальной школе Общества, в 1894 году, С.-Пб., в типогр. Киршбаума. СПб., 1894. С. 1—11.

11. Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу / Изд. «Русского архива» по подлинникам, хранящимся в Имп. Публичной библиотеке. М., 1895.
12. Письмо В. А. Жуковского о браке его с девицею фон Рейтерн, писанное в Дюссельдорфе, с 10 августа по 5 сентября 1840 года и посланное в Муратово к Е. Аф. Протасовой и ко всем родным // Русская беседа. 1859. Кн. 3. Отд. I.
13. *Сомов А. И.* Рейтерн, Евграф Романович // Энциклопедический словарь: в 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1899. Т. 52.
14. Уткинский сборник / под ред. А. Е. Грузинского. М.: печатня А. И. Снегиревой, 1904. [Т.] I.